

Г. В. Федонёва (Сыктывкар)

Структурные типы неопределенных местоимений в финно-угорских языках

Неопределенные местоимения по своим функционально-семантическим свойствам выделяются не только среди других разрядов местоименных слов, но и в структуре языка в целом. С точки зрения происхождения они представляют собой довольно пеструю группу слов, которые объединены только тем, что семантически связаны со смысловым полем неизвестности, неопознанности, неопределенности. Неслучайно, во многих языках и языковых семьях (индоевропейской, уральской, алтайской и др.) неопределенные местоимения обнаруживают тесную структурную и семантическую связь с вопросительными, а также отрицательными словами (напр., рус. 'кто? что?' → 'некто, нечто'; 'кто? что?' → 'кто-то, что-то'; 'кто? что?' → 'никто, ничто'). По-видимому, на ранних стадиях развития этих языков одни и те же дейктические частицы, указывавшие на неизвестное, невидимое, превращались, с одной стороны, в указательные местоименные слова, с другой стороны – в неопределенно-вопросительные, которые впоследствии дифференцировались на относительно самостоятельные разряды неопределенных и вопросительных местоимений [Майтинская 1969: 231].

1. Известно, что в уральском (и даже в финно-угорском) праязыке вопросительные, неопределенные и отрицательные местоимения выступали синкретично, получая определенность в разных синтаксических условиях или выделяясь интонационно. Такое положение можно наблюдать и сегодня.

Примеры:

вепс. *bas'ta t̄ mida* 'говорить ничего (букв. говорить нет что)'; удм. *бат'ну ваййос но шашыос борды кутис'кыса, мырдэм но кыз'ы поти* 'хватаясь за ветки ив и осоку, я кое-как (букв. через силу как) выбрался' [ККУД: 228]; кз. *шуас коді лёк кыв, бергёдчас да мунас* 'скажет кто-нибудь (букв. кто) плохое слово, повернется и уйдет'; кп. *а ково̄ ишд̄ магазинд̄ ветвыны, сакар песок да мый да босътны* [КПГ: 21] 'надо еще в магазин сходить, сахарный песок и еще кое-что (букв. и еще что) купить'.

Первоначальная дифференциация вопросительных и неопределенных значений, по-видимому, происходила путем редупликации дейктических частиц. В таком словоупотреблении вопросительные местоимения теряют собственное интеррогативное значение, приобретая известную определенность в конкретной речевой ситуации. Такой способ выражения неопределенности широко представлен во многих языках мира, напр. турецкое *kimi...kimi* 'один, другой', 'тот...тот', крымско-татарское *кими...кимиси...* 'кто...кто' и т. д. [Майтинская 1969: 253], в том числе и в финно-угорских. Показательны в этом отношении удмуртские местоимения *kud, kudiz* 'который', часто выступающие в достаточно определенном значении 'иной', 'некоторый', 'один', например: *Кудиз куро ворттэ, мукетыз силё-сюрно дая* 'Одни возят солому, другие готовят хворост' [ГСУЯ: 178]. По свидетельству Ф. Видеманна, южно-эстонское местоимение *keä, kea* 'кто' кроме вопросительного имеет также значение 'каждый', 'один' [Alvre 1982: 45].

Значение неизвестности и даже неопределенности практически исчезает в условиях, когда вопросительные местоимения используются в качестве связующих элементов синтаксического целого: субъект действия известен, но не назван конкретно. Такое использование вопросительных местоимений характерно для многих языков, в том числе финно-угорских.

Примеры:

фин. *ken tuopi kerran, ken kaksi* 'кто (один, кто-то) приносит один раз, кто два'; эст. *kel oli nälg, kel janu, kel mingi muu vaev* букв. 'у кого был голод, у кого жажда, у кого какое-то другое страдание'; удм. *kudiz bazare, kudiz bazaris'* 'кто на базар, кто с базара'; кз. *kodi pesla, kodi turunla*, кп. *ke da pesla, ke da turunla*, кя. *kudik pesla, kudik turunla* 'кто-то за дровами, кто-то за сеном', рус. *кто в лес, кто по дрова* и др.

2. Значение неопределенности логически возникает в речевой ситуации, когда субъект референции выделяет сразу несколько параметров своего "незнания", вроде: *кто принес? что принес?* → *кто что* принес, пусть покажет всем; *кто родился? где родился?* → *кто где* родился, там и пригодился и т. д. Такой способ выражения неопределенности также весьма характерен для финно-угорских языков.

Примеры:

кар. *ken mid'ä ruattih* 'кто что сделал'; *ken kunne...kuolemma* 'кто где... умер'; ижор. *kel miDä tüda oli* 'у кого какие дела были', букв. 'у кого что дела были'; кп. *көда-мый* 'кое-что'; кз. *коди мый* *кужб, сийбс и вбчб* 'кто что умеет, то и делает' и т. д.

Использование конструкций, состоящих из двух (иногда более) вопросительных слов для выражения дистрибутивной неопределенности, по-видимому, следует считать наиболее древним способом, характерным для финно-угорских языков. В состав таких конструкций могут входить как основные формы, так и все типы производных интеррогативов, напр., вепс. *ī t'eda konz mi rata tar'bi* букв. 'не знаю, когда что нужно делать'; ижор. *ken kuin*, кз. *kodi kiz'i* 'кто как'; кз. *munalis kodi kitče* 'разъехались кто куда' и т. д.

3. Тотальная неизвестность, выражаемая вопросительным местоимением, получает некоторую определенность в сочетании с указательными словами. Такие конструкции являются весьма распространенной моделью образования неопределенных местоимений, напр., рус. *кто-то, что-то*, фин. *jo-ku* 'кто-то', вепс. *ken-se* 'кто-то', *mi-se* 'что-то', манс. *mät-tä* 'кто-нибудь, что-нибудь', мар. *kidi-tidi* 'кое-кто, букв. кто-этот' и др.

Особенно часты и многообразны объединения производных демостративов с интеррогативами в языках волжской группы, где они выступают в качестве специального средства словообразования неопределенных местоимений. Например, в удмуртском языке широко представлены специфичные неопределенно-наречные сочетания, вроде: *kiji-oti, kijiin-otijn* 'кое-где, местами'; *kijis'-otjs'* 'кое-откуда'; *maze-soze, marze-sorze* 'кое-что'; *mar no so* 'кое-что'; *kiz'ji no oz'ji* 'кое-как, как-нибудь'; *kuke-soku* 'когда-нибудь, когда-то' и др., которым нет соответствий в коми языке. Типологическую близость обнаруживают марийские конструкции, вроде: *kuzat-tugat* 'так-сяк, букв. как-так' *kjšak-tjšak* 'кое-куда', букв. 'куда-туда'. Удмуртский и марийский языки сближаются также наличием более сложных, чем мордовские, моделей парных слов, напр.: удм. *kud-kuddirja* 'иногда, время от времени', букв. 'который — в какое время'; мар. *kidi-kjškevek* 'до какого бы ни было времени', букв. 'который-до каких пор', *kidi-kjštaken* 'где-нибудь, букв. который-где'.

Немаркированное выражение неопределенности интеррогативами или сочетанием их с другими разрядами дейктических слов было, по-видимому, наиболее древним и распространенным способом. Однако в большинстве финно-угорских языков редупликация не получила статуса морфологизованного средства словообразования, оставшись на уровне синтаксиса. "Чистая" редупликация, т. е. удвоение основных форм вопросительных местоимений в индефинитном значении получила распространение только в удмуртском и мордовском языках. Например, морд: *kije-kije* 'кто-нибудь, кто-то', *m'ez'e-m'ez'e* 'что-нибудь', *kona-kona* 'некоторый'; *mz'ara-mz'ara* 'сколько-нибудь'; *koso-koso, kosa-kosa* М. 'кое-где, где-нибудь'; *kow-kow* 'куда-нибудь'; *koza-koza* 'куда-нибудь'; *kosto-kosto* 'иногда'; *koda-koda* 'как-нибудь'; удм.: *kudiz-kudiz* 'некоторые'; *kiji-kiji* 'кое-где, местами, иногда'; *make-make* 'кое-что, что-либо, что-нибудь' и др.

По-видимому, образование неопределенных местоимений редупликацией относится к ареальным явлениям удмуртского, марийского и мордовского языков: "хотя подобный способ структурно-семантического преобразования встречается в ряде родственных языков (и даже в неродственных, напр., в латинском), все же именно в волжских и удмуртском языках он применяется особенно интенсивно и последовательно" [Майтинская 1989: 222].

4. Для многих языков характерны неопределенные местоимения, возникшие из сочетаний вопросительных местоимений с количественными словами, прежде всего с числительным *один*, которое часто подвергается прономинализации со значением 'кто-то', 'что-то', 'какой-то', напр., рус. *мне один человек сказал...*, *я тебе одну вещь скажу...* и т. д. Подобные примеры встреча-

ются также в финно-угорских языках, например: вепс. *ihsī* 'один', 'кто-то', венг. *egyetmast* 'кое-что' < *egy* 'один', *mas* 'другой'. В марийском языке частица *ikta ž* (< *ikte* 'один'), имеющая значение неточности, приблизительноности, входит в состав неопределенных местоимений: *ikta ž-kušto* 'где-либо', *ikta ž-kuško* 'куда-либо', а также может употребляться самостоятельно в роли неопределенного местоимения *ikta ž* 'кто-либо'. Удмуртские местоимения: *kudiz-ogež* 'кое-кто, некоторые из них'; *kudiz-miđiz* 'кое-кто, некоторые из них', *og-kin* 'кто-то', *kud-og* 'некоторые, отдельные': *kud-og intjosin* 'в некоторых местах', *kud-og diŕja* 'иногда'; *kud-ogez*, *kudiz-ogez* 'некоторые, иные, кое-кто' также представляют собой сочетания вопросительных местоимений с числительным *один*. Они напоминают конструкции присыктывкарского диалекта *код öтикыс* 'кто из многих', *код öтиксö* 'кого из многих, что из многих' [ССКЗД: 158], букв. 'кто один', 'кого одного'; *код öт'усö öтнад уд'итан вöчны* 'один все не сделаешь' [СД: 126], букв. 'кто одного успеешь сделать'; *код öтилы тырмас* 'никому ничего не достанется', букв. 'кому одному хватит'; *код öтиксö керан?* 'за что и взяться? (когда много работы)' [КРК: 279]. Однако собственно неопределенным местоимением, образованным по этой модели, можно считать только слово *etkijmĭn* 'некоторые, кое-кто' (< *et* 'один' + *kijmĭn* 'сколько').

В удмуртском языке имеются также неопределенные конструкции со словами *miđ* 'другой, второй' и *muket* 'другой, иной, некоторый': *kudiz-miđiz* 'кое-кто, некоторые из них'; *kudiz-muketiz* 'некоторые из них, некоторые, иные' [УРС: 224], которым нет соответствий в коми языке, но есть в венгерском *egyet-mast* 'кое-что' < *egy* 'один', *mas* 'другой'. Ср. тж. лат. *aliquis* 'кто-либо', *aliquid* 'что-либо' < *alius* 'другой' и *quis* 'кто', *quid* 'что' [Майтинская 1969: 252].

5. В большинстве финно-угорских языков, в том числе и в языках, в которых последовательно применяются немаркированные способы выражения неопределенности, имеются специальные маркеры, позволяющие выделить *pronomina indefinita* в самостоятельную категорию, отличающуюся от генетически родственных интеррогативов и демонстративов не только нюансами значений, но и формально. Становление собственно-неопределенных местоимений относится к достаточно позднему времени, а именно ко времени формирования отдельных языков или близкородственных континуумов, о чем свидетельствует пестрота маркеров, в качестве которых выступают разного рода дейктические, эмфатические, усилительно-выделительные частицы, односложные корни и другие элементы.

В прибалтийско-финских языках сформировался специальный суффикс неопределенных местоимений *-gi*, *-ki*, *-kin*, восходящий к усилительно-выделительной частице прибалтийско-финского праязыка *-ki(n)* [Майтинская 1979: 224; Хакулинен 1953: 215; Alvre 1990: 242].

Примеры:

эст. *keegi* 'кто-то', *miski* 'что-то', *mingi* 'какой-то, какой-либо', *keegi* 'кто-то'; *miski* 'что-либо', 'что-нибудь'; *kuhugi* 'куда-нибудь', *kuidagi* 'как-

нибудь', *kunagi* 'когда-либо, когда-нибудь', *kusagil* 'где-нибудь, кое-где', *kusagile* 'куда-нибудь', *kusagilt*, *kustki* 'откуда-нибудь, откуда-либо', *kuskil* 'где-то', *kuskile* 'куда-то', *kuskilt* 'откуда-то', *midagi* 'что-либо, что-нибудь', *millalgi* 'когда-то', *millegipärast* 'почему-то, зачем-то', *mingi* 'какой-либо', *mingit moodi* 'каким-то образом, как-то'; *kumbki* 'который-то'; фин. *jokin* 'кто-то, что-то', *kukin* 'всякий, каждый', *mikin* 'кто-то, что-то', *kumbkin* 'который-то'; вепс. *kengi* 'всякий, каждый', *mingi* 'что-то', *kudambki* 'который-то'; *mižgi* 'кое-где'; *kojo-kudagi* 'кое-как'; вод. *mitäči* 'что-то'; лив. *mingi* 'некий': *mingi äb mingi* 'некий, кто-то'; ижор. *-ikke* (?-ik+ke): *kenikke* 'кто-либо', *kuGaikke* 'кто-нибудь', *miGaikke* 'что-то' и др.

Финский язык сохранил более древние формы с суффиксами *-kaan-* / *-kään*: *koskaan* 'когда-нибудь', *milloinkaan* 'когда-нибудь', *minkään*, *mikään* 'что-либо, какой-либо', *konsanaan* 'когда-либо', *ei konsanaan* 'никогда' [ФРС: 186], особенно в отрицательных конструкциях (*ei kukaan* ~ *kenkään* 'никто', букв. 'нет кто-нибудь'; *ei mikään* 'ничто', букв. 'нет что-нибудь'), в то время как в большинстве других прибалтийско-финских языков произошло выравнивание в пользу суффикса *-gi*. Наиболее сильную трансформацию перетерпел водский суффикс, который в форме *-či* встречается редко. Неопределенные местоимения сегодня чаще имеют формант *-iD*, возникший в результате фузии неопределенного суффикса и партитива, напр., *čettäiD* 'кто-то', *mittäiD* 'что-то' и т. д. Рудиментарно встречаются также суффиксы *-ki*, *-kki* (*kenki* 'кто-то'), а в отрицательных конструкциях суффиксы *-kaa*, *-aa*: *ep kuikaa* 'ни коим образом', букв. 'нет как-нибудь', *ep kussaa* 'нигде', букв. 'нет где-нибудь' [Alvre 1982: 49].

Кроме общих форм в некоторых прибалтийско-финских языках сформировались особые частицы, например, вепсская *-sę*: *konz-sę* 'когда-то', *kuna-sę* 'куда-то', *kus-sę* 'где-то', *kut-sę* 'как-то', *kuverz-sę* 'сколько-то', *miš-sę* 'где-то', *mit'ę-sę* 'какой-то', восходящая к дейктической частице; саамская *n'e*: *k'en'e* (мн. ч. *k'eggn'e*) 'кто-нибудь'; *m'in'e* (*męgn'e*) 'что-нибудь', *kun'e* (*kuggn'e*) 'какой-нибудь', *kues'n'e* 'когда-либо', а также вепсская *-ni*: *konz-ni* 'когда-нибудь', *kuna-ni* 'куда-нибудь', *kus-ni* 'где-нибудь', *kut-ni* 'как-нибудь', *kuverz-ni* 'сколько-нибудь', *miš-ni* 'где-нибудь', *mit'ę-ni* 'какой-нибудь' и карельская *-nih*: *kennih* 'кто-нибудь', *keñni(but)* 'кто-то', *minih* 'что-нибудь', *miñibut* 'что-то', по-видимому, представляющие собой фрагменты русской частицы *-нибудь*, во всяком случае, полностью с нею совпадающие.

Общим способом образования неопределенных местоимений в пермских языках является присоединение к вопросительным местоимениям постпозитивной частицы кз., кп. *-ke* / удм. *-ke*, которая, видимо, восходит к уральской вопросительной основе. К. Е. Майтинская отмечает, что "вышеперечисленные неопределенные местоимения не следует считать состоящими из двух местоименных компонентов, поскольку *ke*, как частица, совершенно обособилась от современных удмуртских вопросительных местоимений" [1979: 225], а "прауральское вопросительное местоимение **kъ* уже в финно-пермском языке-основе преобразовалось в частицу" [1982: 149]. Частицы *-ke* / удм. *-ke* эти-

мологически связаны с соответствующими союзами кз., кп. *-ke* / удм. *-ke* 'если'. Возможно, они имеют какое-то отношение к чувашской вопросительной частице *ke* 'ли', 'разве': *apu kille i-ke?* 'что, дома твоя мать?'. Ср. тж. чув. *teke*, *maka* 'зачем' [Левитская 1976: 123].

Примеры:

кз. *kodke* / кп. *kinke* / удм. *kinke* 'кто-то', кз. *kodke* / кп. *ke dake* / удм. *kudke* 'некоторые'; кз. *kiminke* / кп. *kininke* / удм. *ke n'ake* 'сколько-нибудь, немного', *kodiske* / кп. *ke dake* / удм. *kudizke* 'который-нибудь', кз. *korke* / кп. *kerke* / удм. *kuke* 'когда, когда-то', кз. *kikte* / удм. *kitime* 'где-то', кз., кп. *kizke* / удм. *kizike* 'как-то, каким-то образом', кз., кп. *kic'ke* / удм. *kic'ike* 'куда-то, куда-нибудь', кз. *kenke*, кз., кп. *kitenke* / удм. *kitinke* 'где-то', кз., кп., удм. *kitis'ke* 'откуда-то', кз., кп. *mijke* / удм. *maze ke* 'что-то', *maiz ke* 'что-то' и т. д.

Такого единства в использовании специальных маркеров неопределенности нет в волжских и угорских языках. Мордовский язык использует частицы *-ak*, *-jak*, *-gak*, *-vok*, *-ge*, *-nga* и др., служащие также для выражения отрицательных значений в отрицательных предложениях. Их происхождение связывают с некими *k*-овыми усилительными частицами, а разнообразие форм объясняется фонетическими чередованиями [Майтинская 1979: 207]. Наиболее последовательно для образования неопределенных местоимений в эрзянском используются суффиксы *-jak* и *-vok*, которым в мокшанских диалектах соответствует суффикс *-nga*.

Примеры:

морд. *kijak* 'кто-либо, никто (с отрицанием)'; *zn'arajak* 'сколько-нибудь'; *konajak* 'какой-либо'; *kodamajak* 'какой-нибудь' [ГМЯ: 266]; *kosovok*, *kosonga* М. 'где-нибудь'; *kozovok*, *kozonga* М. 'куда-нибудь'; *kodavok*, *kodanga* М. 'как-нибудь, никак'; *zn'ardajak*, *mz'ardovok* М. 'когда-нибудь'; 'никогда'; *mez'ejak*, *mez'evok* М. 'что-либо', 'ничто' и др.

Мансийские и хантыйские неопределенные местоимения также образованы с помощью частиц разного происхождения.

Например:

манс. *хотпа* 'кто-то, некто', *матыр* 'что-то; что-либо, что-нибудь', *матыр та* 'что-то', *матахкем* 'несколько, сколько-нибудь', *матахмат* 'несколько', *матырсыр*, *матырсырмат* 'какой-то', *хотмус* 'как-нибудь, как-то', *хотмаль* 'куда-нибудь', *хотмальта* 'куда-то', *хотты* 'кто-нибудь, что-нибудь', *хотыл* 'откуда, откуда-нибудь', [МРС]; хант. *хойкем* 'кто-то', *муйкем* 'что-то', *хойт* 'кто-то', *мулты* 'что-либо', *хутта* ~ *хутта* 'где-то', *хэнты* 'когда-то', *муй кем* 'сколько-то (приблизительно)', *мултарт* 'несколько' [ХРС].

Появление специальных формантов, подчеркивающих неопределенность знания либо частичное знание о денотате, естественным образом сокращает необходимость использования древних немаркированных способов, вытесняя их в сферу спонтанной речи, диалектного просторечия. В этом отношении интерес представляет эстонский язык, в котором на месте немаркированных конструкций других прибалтийско-финских языков последовательно выступают формы с суффиксом *-gi*.

Примеры:

кар. *ken keh miel'düw*, эст. *kes kellelegi meeldib* 'кто кому приятен', букв. 'кто кому-нибудь приятен', кар. *ken mid'ä ruattih*, эст. *kes midagi tegi* 'кто что сделал', букв. 'кто что-нибудь сделал'; кар. *ken kunne...kuolemma*, эст. *kes kuhugi...sureme* 'кто где...умер', букв. 'кто где-то...умер' и т. д. [Alvre 1982: 46, 48]

6. Стремление языка к маркированию неопределенных значений проявляется и том, что первичные интеррогативные конструкции осложняются суффиксами неопределенности. Наиболее последовательно эта модель представлена в финском языке, в котором вопросительные местоимения сочетаются с неопределенными наречиями с суффиксом *-kin*:

Например:

kuka kulloinkin, mikä milloinkin 'кто ~ что когда-либо'; *kuka kulloinkin ~ milloinkin ~ kussakin ~ missäkin ~ kunnekin ~ minnekin, mikä kulloinkin ~ milloinkin ~ kussakin ~ missäkin ~ minnekin; missä milloinkin* 'где когда-нибудь', *kuka kuinkin* 'кое-как', *kuka milloinkin* 'то один, то другой', *missä milloinkin* 'где придется', *miten milloinkin* 'когда как', *milloin missäkin* 'то тут, то там', *jolloin kulloin* 'когда-нибудь', *milloin missäkin* 'то тут, то там', *jolloin kulloin* 'когда-нибудь' и т. д.

“Усиленный” тип неопределенных местоимений иногда встречается и в других языках, например, удм.: *og-kin-ke* 'кто-то', *og-mar-ke* 'что-то', *olo-kin-ke* 'кто-то', *maje ke soje* 'что-либо'; кз., кп. *kĩžke-mijke* 'как-нибудь', *kĩs'ke-tijke* 'откуда-нибудь, где-нибудь', кя. *kũžke-møjke* 'как-нибудь'; манс. *χот-χотня* 'кто бы ни' и др.

7. В принципе вербализация общего понятия неопределенности является достаточной для языковой деятельности, что подтверждают те языки, где неопределенные местоимения образуют один ряд, однако на практике мы наблюдаем дальнейшее весьма бурное развитие разряда неопределенных местоимений. По-видимому, это объясняется тем, что в неопределенность может иметь различные сопутствующие коннотации в зависимости от иллокутивной направленности высказывания: безразличное отношение к неизвестному предмету, предпочтение, желательность либо возможность выбора из числа неизвестных, частичное знание или знание какого-то из параметров неизвестного в целом объекта и т. д.: *кто угодно, хоть кто, все равно кто, кто знает кто, кто хочет, как знаешь, кто попало, кто бы ни был, кто ни на есть* и т. д. Лакуны, образуемые коннотативными значениями, как правило, заполняются за счет прономинализации исконных лексем либо заимствованием.

Показательны в этом отношении примеры венгерского языка, в котором этот способ является основным. В качестве маркеров неопределенности выступают префиксальные элементы *akár-* < *akárni* 'хотеть': *akárki* 'кто (бы) ни', 'кто угодно', *akármi* 'что (бы) ни', 'что угодно', *akármikor* 'когда (бы) ни', 'когда угодно'; *vala-* < *való / vala* 'быгующий, от быть': *valaki* 'кто-то, кто-нибудь'; *valakie* 'чей-то, чей-нибудь'; *valamilyik* 'какой-нибудь, какой-то'.

Общей прибалтийско-финской моделью являются неопределенные местоимения, образованные от глагола *tahtma* со значением 'желать, хотеть', напр.: фин. *ken tahansa*, кар. *ken tahto*, вепс. *ken tahat*, лив. *kes tahes*, эст. *kes tahes* 'кто-нибудь, кто-то, кто угодно', букв. 'кто хочет', эст. *mis tahes* 'что угод-

но', *kus tahes* 'где угодно', *millal tahes* 'когда угодно', *kuidas tahes* 'как угодно, как хочешь' и т. д. Кроме этого, в различных языках и диалектах прибалтийско-финских языков появились специфические формы, например: фин. *mitä huvänsä* 'что-то, что нравится, что хочешь' < *huvä*; кар. -*ollow*, -*liw* со значением 'быть, будь': *ken-ollow* 'кто-нибудь, кто-то'; *män't'ie* < *mine tea* 'поди знай': *mine tea kust* 'поди знай откуда'; вод. -*lëB*: *čenlëB* 'кто-то', *mikälëB* 'что-то', *kumplëB* 'который-то', *kuzalëB* 'где-то'. По мнению П. Алвре, происхождение последнего элемента и его распространение на соседние финские и ижорские диалекты относится ко второй половине XIX в., а образцом послужила русская модель с элементом *будь* [Alvre 1982: 52]. Из пермских языков по такой модели образованы коми местоимения с элементом -*s'ure*: *kod-s'ure*, *mij-s'ure*, *kučëm-s'ure*, представляющие собой кальку с русского *кто попало, что попало, какой попало* и т. д.

Вообще, в дальнейшем становлении разряда неопределенных местоимений большую роль играют языковые контакты, поскольку в разных языках, как мы уже выяснили, сферы неопределенности не совпадают и возникающие лакуны при длительном контактировании взаимно заполняются. Например, в эстонских диалектах встречаются неопределенные местоимения с префиксом *edi-*: *edikea*, *edikes* 'кто-то, кто-нибудь', *edimia*, *edimis* 'что-то, что-нибудь', который сложился из отрицательной формы *ei tea* 'не знаю' под влиянием латвийского языка (ср. латв. *nezkas* букв. 'не знаю кто'). Аналогии имеются также в других языках, напр.: коми вв. вс. *kintas* < *kin tē das* 'кто знает': *kintas kor* 'когда-то, кто знает когда'; фин. *kukaties* 'может быть', 'пожалуй', букв. 'кто его знает' (выражение неопределенности); морд. диал. *n'eznaj-kÿ* 'неизвестно кто', мар. *n'eznaj-kidi* 'какой-то, неизвестно который' и т. д.

8. Еще более последовательно процесс заполнения семантического поля неизвестности происходит за счет прямого заимствования маркеров неопределенности, что демонстрируют практически все финно-угорские языки, в которых имеются из русские (-*n'ibud'*, -*libo*, *ko!*; *koje-*), торкские (-*dÿr-*, *olo-*, *ala-ginat-*) и др. элементы.

Список литературы

- ГВЯ – Зайцева М. И. Грамматика вепского языка. Л.: Наука, 1981. 360 с.
- ГМЯ – Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / Под. ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Изд. Морд. ГУ, 1980. 430 с.
- ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 372 с.
- ККУД – Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Удм. ГУ, 1998. 385 с.
- КПГ – Кривошекова-Гантман А. С., Ратегова Л. П. Коми-пермяцкие говоры. Пермь: Перм. гос. пед. ин-т, 1980. 69 с.
- КПРС – Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. 624 с.
- КРК – Коми-роч кывчукор [Коми-русский словарь] / Сост. Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 815 с.

- Левитская Л. С.* Историческая грамматика чувашского языка. М.: Наука, 1976. 206 с.
- Майтинская К. Е.* Местоимения в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 308 с.
- Майтинская К. Е.* Местоимения в мордовских и марийских языках. М.: Наука, 1964. 110 с.
- Майтинская К. Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.
- Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.
- Майтинская К. Е.* Местоименные и служебные слова // Финно-волжская языковая общность. М.: Наука. 1989. С. 175–262.
- МРС – Мансийско-русский и русско-мансийский словарь / Сост. Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А., Л.: Просвещение, 1982. 360 с.
- СД – Колегова Н.А., Бараксанов Г.Г.* Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971. 276 с.
- СМЯ – Современный марийский язык. Морфология / Пенгитов Н. Т., Галкин И. С., Исанбаев Н. И. Йошкар-Ола, 1961. 324 с.
- ССКЗД – Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А.* Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В. А. Сорвачевой. Коми филиал АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 490 с.
- УРС – Удмуртско-русский словарь / Сост. Белов А. С., Вахрушев В. М., Скобелев Н. А. и др. Под ред. Вахрушева В. М. М., 1983. 591 с.
- ФРС – Финско-русский словарь / Сост. Кукконен О. В., Лехмус Х. И., Линдрос И. А. М., 1955. 672 с.
- Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка / Л. Хакулинен. М., 1953. Ч. 1. 311 с.
- ХРС – Хантыйско-русский и русско-хантыйский словарь / Сост. Молданова С. П., Нёмысова Е. А., Ремезанова В. Н. Л.: Просвещение, 1983. 286 с.
- Alvre P.* Läänemeresoome indefiniitpronomenest // Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia (Memoires de la Société Finno-ougrienne). 181. Helsinki, 1982. S. 45–55.
- Alvre P.* Zur Struktur der ostseefinnischen Pronomen // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. М.: Наука, 1990. С. 241–243.
- Beke Ö.* Das finnisch-ugrische Indefinitum // Keleti Szemle. XIV, Budapest, 1913–1914.

Языки

венг. – венгерский, вепс. – вепсский, вод. – водский, ижор. – ижорский, к. – коми, кар. – карельский, кз. – коми-зырянский, кп. – коми-пермяцкий, кя. – коми-язвинский, лив. – ливский, манс. – мансийский, мар. – марийский (Г. – горномарийский, Л. – лугово-марийский), морд. – мордовский (Э. – эрзя-мордовский, М. – мокша-мордовский), рус. – русский, тат. – татарский, удм. – удмуртский, фин. – финский, хант. – хантыйский, чув. – чувашский, эст. – эстонский.